

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-163-174

© Е. А. Тахо-Годи

А. А. ГРИГОРЬЕВ И Ю. И. АЙХЕНВАЛЬД ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА «ОРГАНИЧЕСКОЕ» МИРОВОСПРИЯТИЕ*

Из отмечаемых в 2022 году юбилейных дат две не самые громкие, но, несомненно, хотя и неявно, друг с другом связанные самой историей литературной критики — это 200 лет со дня рождения Аполлона Григорьева (1822–1864) и 150 лет со дня рождения Юлия Айхенвальда (1872–1928). Если имя Григорьева усилиями многих исследователей, прежде всего Б. Ф. Егорова, прочно вошло в справочные издания и учебные курсы по русской литературе, а в ИРЛИ РАН выходит том за томом его академическое собрание сочинений, то Айхенвальд, в начале XX столетия считавшийся чуть ли не первым литературным критиком, ныне почти забыт. Если и помнят о его трехтомных «Силуэтах русских писателей», то, к сожалению, скорее негативно и предвзято — как о примере малоинформативной импрессионистской, субъективной критики, редко пытаясь вникнуть, как и почему айхенвальдовский метод вписывается в эпоху расцвета русского модернизма.¹ Забвению и недооценке, конечно, содействовал и еще один отмечаемый в этом году невеселый юбилей — то, что 100 лет назад, осенью 1922 года, Айхенвальд был выслан из страны на «философском пароходе», а его литературные труды были преданы на родине запрету на многие десятилетия. В «Силуэтах русских писателей», единственной книге Айхенвальда, переиздающейся начиная с 1994 года,² нет григорьевского «силуэта», поэтому нет ничего удивительного, что до сих пор никто не обратил внимания на скромную, но значимую лепту, внесенную Айхенвальдом в дело воскрешения интереса к Григорьеву в эпоху Серебряного века.

Судя по всему, Григорьева Айхенвальд по-настоящему «открыл» для себя достаточно поздно — в середине 1910-х годов. Единственное упоминание Григорьева, в цитате из Достоевского, в очерке о Белинском в 3-м издании «Силуэтов русских писателей» (1913) служит не исключением, а скорее подтверждением этому. Правда, еще в 1908–1910 годах, работая над очерком о трагедиях У. Шекспира, из всех русских переводов «Ромео и Джульетты» критик предпочел перевод именно Григорьева. Он не только процитировал шекспировский текст в григорьевском переводе,³ но высоко оценил интуитивное понимание переводчиком шекспировской мысли. Указывая на расхождение между оригиналом и переводом, Айхенвальд писал: «...Аполлон Григорьев, все-таки, не только не погрешил своим переводом против этого великого подлинника, но и уловил самую сущность его — тот мотив, который нам уже так хорошо известен: если женщине предстоит выбор, то она изберет смерть отца или матери, или их обоих; единственное, что для нее непереносимо, это — разлука с мужем; вот — предел страдания. Кроткая Джульетта убивает; она мысленно хоронит своих родителей, лишь бы вернулся Ромео. Пусть над ними разразится какое угодно несчастье, лишь бы самая легкая тень не легла на Ромео».⁴ Но лишь в середине 1910-х годов Айхенвальд обращается непосредственно к Григорьеву и его литературному наследию, посвящая ему четыре публикации.

* Памяти Б. Ф. Егорова.

¹ См.: Зуев Д. В. «Имманентная критика» Ю. И. Айхенвальда доэмигрантского периода: проблема писателя и читателя. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006; Тахо-Годи Е. А. «Естественный символизм» Юлия Айхенвальда (к вопросу об эстетическом методе) // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа: коллективная монография / Отв. ред. и сост. А. А. Холиков при участии Е. И. Орловой. М., 2021. С. 188–203.

² Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей / Предисловие В. Крейда. М., 1994.

³ См.: Айхенвальд Ю. И. Трагедии Шекспира // Айхенвальд Ю. И. Этюды о западных писателях. М., 1910. С. 54, 60.

⁴ Там же. С. 58.

Первая из них, появившаяся 29 июня 1915 года в газете «Речь», так и называется «Воскресающий писатель».⁵ Она приурочена к выходу в свет семи томов григорьевского собрания сочинений,⁶ изданных Владимиром Федоровичем Саводником (1874–1940), дружившим, как и Айхенвальд, в конце 1890-х — начале 1900-х годов с Валерием Брюсовым и потому сотрудничавшим с журналом «Весы».⁷ Вторая публикация Айхенвальда в той же газете «Речь» — «Стихотворения Аполлона Григорьева», датированная 16 ноября 1915 года,⁸ была рецензией на григорьевский поэтический том, подготовленный Александром Блоком в издательстве К. Ф. Некрасова.⁹ Из этих газетных текстов, полностью воспроизведя первый и присоединив к нему второй, исключив из него все, что относилось, так сказать, «к злобе дня» — прежде всего, к оценке редакторских трудов Блока, Айхенвальд готовит отдельный очерк о Григорьеве — критике и поэте — и помещает его в своем сборнике «Слова о словах. Критические статьи», вышедшем в свет в 1916 году.¹⁰ В том же 1916 году, 28 мая, в газете «Утро России» печатается еще одна его рецензия,¹¹ также имеющая прямое отношение к Григорьеву, — это отклик на появление в серии «Универсальная библиотека» прозы Григорьева,¹² изданной писателем и публицистом Николаем Николаевичем Русовым (1883/1884 — после августа 1942), писавшим кандидатское сочинение о Григорьеве в годы учебы в Московском университете, завершившейся как раз в 1916 году.¹³ Зная о присущей Айхенвальду манере переделывать и дополнять свои тексты при каждом новом их переиздании, нетрудно предположить, что, не разразись революционная катастрофа 1917 года, он в дальнейшем напечатал бы очерк о Григорьеве из сборника «Слова о словах», дополнив его впечатлениями от Григорьева-прозаика и тем самым охватив в новом «силуэте» все сферы григорьевского творчества: критику, поэзию и прозу.

Каким же видится Айхенвальду Григорьев? Для него он все-таки в первую очередь, конечно, не прозаик и даже не поэт, но именно критик.

С точки зрения Айхенвальда, рассказы Григорьева сами по себе «слабы и элементарны» и любопытны лишь тем, что в них «во-первых, отражается <...> литературно-театральная жизнь сороковых годов», а во-вторых, «материал автобиографический».¹⁴ Запечатлевшиеся в рассказах Григорьева «трепет и биение» не знающего старости сердца, «бурный и пылкий темперамент», проникнутый «элементами гамлетизма, нечто

⁵ Айхенвальд Ю. И. Воскресающий писатель // Речь. 1915. 29 июня (12 июля). № 176. С. 3.

⁶ Григорьев А. А. Собр. соч.: В 14 т. / Под ред. В. Ф. Саводника. М., 1915–1916. Айхенвальд рецензирует тома 1 («Автобиография. „Мои литературные и нравственные скитальчества“»), 3 («Развитие идеи народности в нашей литературе со смерти Пушкина»), 5 («„Горе от ума“ Грибоедова»), 7 («Лермонтов и его направление»), 10 («И. С. Тургенев и его деятельность (По поводу романа «Дворянское гнездо»»)), 11 («О национальном значении творчества А. Н. Островского (Две статьи)») и 13 («Поэзия Некрасова»).

⁷ См.: Тахо-Годи Е. А., Александров С. М. Саводник В. Ф. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 441–443; Тахо-Годи Е. А. Незамеченный автор, или Был ли В. Ф. Саводник сотрудником «Весов» // Тахо-Годи Е. А. Великие и безвестные: Очерки по русской литературе и культуре XIX–XX вв. / Предисловие Н. А. Богомолова. СПб., 2008. С. 232–248.

⁸ Айхенвальд Ю. И. Стихотворения Аполлона Григорьева // Речь. 1915. 16 нояб. № 316. С. 3.

⁹ В выходных данных тома стоит 1916 год; Стихотворения Аполлона Григорьева / Собрал и примечаниями снабдил Александр Блок. М., 1916.

¹⁰ Айхенвальд Ю. И. Слова о словах. Критические статьи. Пг., 1916. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы.

¹¹ Айхенвальд Ю. И. [Рец.:] А. Григорьев. Человек будущего [Рассказы] // Утро России. 1916. 28 мая. № 148. С. 5.

¹² Н. Н. Русовым было подготовлено три издания: Григорьев А. 1) Один из многих: Рассказ в трех эпизодах / С предисловием Н. Н. Русова. М., 1915; 2) Великий трагик: Рассказ из книги «Одиссея о последнем романтике» / Предисловие и прим. Н. Н. Русова. М., 1915 (2-е изд.: 1916; 3-е изд.: 1917); 3) Человек будущего. Мое знакомство с Виталиным. Офелия. Гамлет на одном провинциальном театре. Роберт-Дьявол. [Лючия] / Вступ. статья и прим. Н. Н. Русова. М., 1916.

¹³ Об этом известно из автобиографического письма Н. Н. Русова Э. Ф. Голлербаху, см.: Богомолов Н. А. 1) Об одном собеседнике Белого, с приложением двух забытых статей // Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 468; 2) Русов Н. Н. // Русские писатели. 1800–1917. Т. 5. С. 395.

¹⁴ Айхенвальд Ю. И. [Рец.:] А. Григорьев. Человек будущего. С. 5.

от „лишнего человека“, от печоринства, также не позволяют пройти мимо рассказов «ни историку литературы, ни особенно биографу такой характерной и стильной личности, как Аполлон Григорьев».¹⁵

Айхенвальд убежден, что и «стихотворениям Аполлона Григорьева дают право на существование» только «его критические статьи» (с. 65), что «богатое содержание своего внутреннего мира» автор не смог переплавить в стихах «в яркую и живую образность», что его «неокрыленное слово» не достигает высоты, хотя изредка «красота его души находит себе воплощение в красоте словесной» (с. 65). Вырванные из общего контекста, эти слова иной раз воспринимались как полное отрицание Айхенвальдом Григорьева-поэта.¹⁶ Однако, по мнению критика, Григорьева-поэта спасает не только его причастность к культурной традиции — от Шекспира до Пушкина (с. 65), но и «увлечение идеальными ценностями» (с. 65), а главное — сама его «личность, красочная и своенравная» (с. 65), превращающая книгу стихов в «серьезную человеческую исповедь» (с. 66). Этим-то и ценны, по мнению Айхенвальда, стихи «последнего романтика» — Аполлона Григорьева, «подвластного Лермонтову, но не обладающего лермонтовской силой» (с. 67). Но нужно «вчитаться в его стихи по существу», и только тогда «выглядит из них облик озаренной и мятущейся, красивой и пьяной, несчастной и лихорадочной души» (с. 66). «Поэт лихорадки», Григорьев «искренен и в самой экстравагантности своей» (с. 66). Пусть Григорьев и не яркий художник, но зато он — «яркая личность», «человек не дешевой души» (с. 69). «Актер, лицедей, комедиант», он «заигрывался до боли» и начинал жить «настоящей жизнью и настоящим страданием, так что и до сих пор слышится трепет и больное биение его усиленного сердца» (с. 68). Как и в Григорьеве-человеке, Айхенвальд видит в Григорьеве-поэте «Любима Торцова», «широкую натуру», которая разбивает всякую симметрию в собственных и чужих построениях (с. 66), которая от «религиозного и благодарного принятия мира» (с. 66), от молитвы и преклонения перед Богом и любимой женщиной может перейти к «гимнам безверия», к унынию и цинизму и, ища от жизни жизнь, саму эту жизнь тем самым губит, оставляя после себя только «пепел человеческого костра» (с. 68). «Причудливые зигзаги жизни» оборачиваются «увяданием и подавленностью духа», когда в душе воцаряется «нечто подобное <...> белой, белесоватой финской ночи» (с. 67).

Несмотря на собственный тезис, что главное в искусстве — «разница, а не сходство, отличительные признаки, а не общие свойства»,¹⁷ Айхенвальд в статье о Григорьеве (возможно, под влиянием работы В. Ф. Саводника «Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева»,¹⁸ во многом предварившей сходные изыскания А. Белого «Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы»¹⁹), чтобы показать его своеобразность, дает классификацию поэтов, исходя из «первичной модели» их стиля, и пишет: «Классики — поэты солнца, романтики — поэты луны, все — поэты звезд, возвышенных любимиц Данта и Канта; Аполлон же Григорьев к солнцу равнодушен, звезды называет „прехолодными твореньями“, луну „неизбежную“ бранит „казенной спутницей страсти“ — и только одна комета имеет в нем своего верно певца» (с. 67). И это предпочтение кометы «всем небесным светилам», по мнению Айхенвальда, имеет явные психологические основания в собственной натуре поэта: Григорьев по праву может быть причислен к тем, кого он предпочитал изображать в стихах, — к одиноким кометам. Хотя одинокий «цыганский костер» поэзии Григорьева «не подлежит бессмертию высшего духовного пламени, но все-таки представляет собою огонь исключительной и привлекательной человеческой души» (с. 69).

Итак, для Айхенвальда Григорьев как поэт и прозаик имеет «лишь исторический интерес», его стихи и беллетристика «только дополняют идейную сумму его

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Носов С. Н. Аполлон Григорьев: Судьба и творчество. М., 1990. С. 34.

¹⁷ Айхенвальд Ю. И. Предисловие к третьему изданию книги «Силуэты русских писателей» (Первый выпуск). М., 1911. С. III.

¹⁸ Саводник В. Ф. Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М., 1911.

¹⁹ Белый А. Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы // Белый А. Поэзия слова. Пб., 1922.

рассуждений». ²⁰ Иное дело Григорьев-критик. Пусть он и не дал «законченного развития своим идеям» и полностью «своего мировоззрения не гармонизировал» (с. 60), но как мыслитель он, несомненно, сумел опередить свое время: «...немало новейших утверждений о русских писателях можно найти предвосхищенными именно у него, как исповедовал он и некоторые общие принципы, положенные в основу современной критической методологии». ²¹ Айхенвальд, как любитель афоризмов и краткости слога, не сомневается, что не только «противный ему ветер нашей публицистики» (с. 59) и «наша умственная узость, не вместившая этого Любима Торцова русской критики, этой широкой натуры», ²² помешал Григорьеву занять причитающееся ему по праву почетное место в истории русской литературы. Причины и в характере Григорьева, лишённого дипломатизма и предпочитавшего, в отличие от Белинского, «утверждение отрицанию» (с. 60), и — прежде всего — в самом стиле его критических статей. Григорьев «заслонил самого себя множеством лишних слов» (с. 59), его страницы полны «словесного шлага» (с. 59). Это «отсутствие ясности и сжатости», с точки зрения Айхенвальда, основная причина игнорирования его читателями. Однако, полагает автор, если григорьевские тексты от этого «шлага» очистить, то перед читателем появляется «оригинальный и стильный образ» (с. 59), потому что «в складках его многочисленных слов, в туманной оболочке его писаний, запрятаны яркие и меткие суждения, верные и глубокие идеи» (с. 60).

Какие же из этих идей, из эстетических воззрений Григорьева представлялись наиболее актуальными и близкими самому Айхенвальду? К почвенничеству Григорьева он, как западник по своему мировоззрению, остается равнодушен. Но ему дорога унаследованная Григорьевым от раннего Ф. Шеллинга уверенность в самоъявленности истины, не требующей специальных доказательств (с. 60). Он особо акцентирует григорьевские размышления о «вещи прозорливости» и «высокой бесполезности искусства» (с. 61), неожиданно предвосхищающие эстетические постулаты Оскара Уайльда, Айхенвальду чрезвычайно импонировавшие. ²³ Критику важна борьба Григорьева за «бескорыстный эстетизм» (с. 61), но еще важнее — григорьевское осуждение всего «сочиненного», принятие всего «живого, „живорожденного“» (с. 61), что сказывается через писателя, что входит как элемент в «органическую критику» Григорьева. Пожалуй, только в признании «самым ценным в критических теориях Григорьева — его интуитивного постижения жизни как органического, сложного, самообусловленного единства» ²⁴ можно найти сходжение у Айхенвальда с таким его антагонистом, как Д. Святополк-Мирский. ²⁵

Для Айхенвальда эти идеи были «своими», лично выношенными, и обнаружение их у Григорьева делало «последнего романтика» эстетически понятным и близким — по тому самому принципу анамнезиса, чутко сформулированному О. Мандельштамом: «Все было встарь, все повторится снова, / И сладок нам лишь узнаванья миг». ²⁶ Сам Айхенвальд начиная с 1906 года, когда вышел первый выпуск «Силуэтов русских писателей», из «силуэта», из «силуэт» делил писателей на «органически» связанных с жизнью истинных творцов и «сочинителей». К первым он относил Пушкина, культ которого Айхенвальду был присущ, как и Григорьеву, ²⁷ Льва Толстого,

²⁰ Айхенвальд Ю. И. [Рец.:] А. Григорьев. Человек будущего. С. 5.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Ср.: «Искусство тем и хорошо, что оно бесполезно» (Айхенвальд Ю. И. Оскар Уайльд // Айхенвальд Ю. И. Этюды о западных писателях. С. 221).

²⁴ Мирский Д. С. Аполлон Григорьев // Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. London, 1992. С. 330.

²⁵ Об их расхождении из-за евразийства см.: Takho-Godi E. A. Yuly Aykhenvald: In Search of Aesthetic and Historiosophical Harmony // Studies in East European Thought. 2020. Vol. 72. Iss. 3–4. Special issue «A Symbiosis of Russian Literature and Philosophy» / Ed. by E. A. Takho-Godi. P. 324–325.

²⁶ Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2009. Т. 1. С. 104. Курсив мой. — Е. Т. Г.

²⁷ См.: Тахо-Годи Е. А. Пушкин в философско-эстетической системе Ю. И. Айхенвальда // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 171–189.

Чехова, Анну Ахматову, И. А. Бунина, ко вторым — лже-творцов, к каковым вызывающе причислял Некрасова, Брюсова и М. Горького. Если Бунин «рисует факты, а из них уже сама, органически, рождается красота»,²⁸ то лже-художник Максим Горький «бессовестно выдумывает», причем «его сочинительство распространяется не только на факты, но и на самые настроения»: «Его прежний бунт, напыщенные песни буревестника, и его последнее смирение, кроткий Лука; его ранний индивидуализм и его дальнейшее поклонение коллективу, душе народа — все это одинаково не идет из глубины, всему этому одинаково чужда органичность».²⁹ Указывая на художнические просчеты в «Двенадцати», он предъявлял Блоку аргументы вполне в духе «органической критики»: «И разве революция — рама, в которую можно механически вставлять любую картину, не говоря уже о том, что и вообще рама с картиной еще не есть организм?»³⁰ Это «органическое» восприятие творчества у Айхенвальда имело собственный источник в его «философии жизни»³¹ и, видимо, неожиданно для автора обнаружило свое «избирательное сродство» с григорьевской «органической критикой».

Знакомство с григорьевской органической критикой и с его историософскими тезисами (Айхенвальд цитирует такие: «государства, как Австрия, могут слагаться механически, народы — никогда», «никогда не бывают сочиненные народы», «эпохи — организмы во времени, народы — организмы в пространстве» (с. 61)) позволяло провести параллели и с воззрениями Айхенвальда на государство как организм, запечатлевшимися в его книге публицистических статей «Наша революция. Ее вожди и ведомые»: «Государство — организм. Оно собирает и соподчиняет те стихии, которые вне его и до него разрознены <...>. За порогом государства — хаос. За пределами этого организма, этой организации — точно широкие пространства и дремучие леса, по которым скачет и пробирается лихой человек. Не нужно большой мудрости, чтобы заметить все недостатки государства и не впасть в то обожествление его, которое печально прославило Германию в лице Гегеля <...>. Не будем только смешивать практики государства с его принципом. „История государства Российского“, как и многих других государств, достаточно показала нам, какова эта практика; но самый принцип государственности от этого не тускнеет и остается чистым и вечным».³² Но безусловно, это только параллели, так как собственная европоцентричная историософия Айхенвальда³³ с почвенническими воззрениями Григорьева никак не совпадала.

Зато Айхенвальду Григорьев оказался близок как фигура диалектически противоположная Белинскому. Для него Белинский органически чужд эстетической критике, он не отделяет неистового Виссариона от Н. Чернышевского, Н. Добролюбова и Д. Писарева, как, например, делал позднее высоко ценивший Айхенвальда П. М. Бицилли,³⁴ писавший в 1933 году: «Но после Карамзина и Шишкова *филологическая* критика в России исчезла без следа. Равным образом потерпела крушение попытка Белинского и Надеждина создать *философско-эстетическую* критику. За малыми исключениями (Аполлон Григорьев, Страхов, К. Леонтьев), русская критика после Белинского и до периода символизма была „общественно-политической“ — и ни на классическую литературу, ни на язык не оказала никакого влияния».³⁵ Григорьев был своего рода

²⁸ Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. М., 1913. Вып. 3. С. 134.

²⁹ Там же. С. 93.

³⁰ Айхенвальд Ю. И. Пoesия А. Блока // Слово о культуре: Сб. критических и философских статей. М., 1918. С. 58.

³¹ Этой проблеме был посвящен мой доклад 1 апреля 2021 года «Юлий Айхенвальд: апология повседневности» на будапештском Международном научном симпозиуме «Первая волна русской эмиграции: культ и повседневность».

³² Айхенвальд Ю. И. Наша революция. Ее вожди и ведомые. М., 1918. С. 56.

³³ Об историософии Айхенвальда см.: *Takho-Godi E. A. Yuly Aykhenvald: In Search of Aesthetic and Historiosophical Harmony*. P. 313–331.

³⁴ См.: *Takho-Godi E. A. Ю. И. Айхенвальд и П. М. Бицилли: Реконструкция философско-эстетического диалога* // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 322–336.

³⁵ *Бицилли П. М. Трагедия русской культуры* // Бицилли П. М. Избранные труды по филологии. М., 1996. С. 153.

«находкой», достойная «антитеза» Белинскому для Айхенвальда, недавно восставшего против интеллигентского культа Белинского и спровоцировавшего этим целую полемику.³⁶ Запоздалым эхом этого спора, когда на защиту Белинского от Айхенвальда в 1913–1914 годы поднялась почти вся демократически настроенная пресса, звучат слова Блока из статьи 1918 года «Что надо запомнить об Аполлоне Григорьеве»: «...пока Григорьев под спудом, а Белинский — у „всех“ на устах, я не могу отдать справедливости Белинскому, я не могу простить ему его невольного греха. Если бы я был историком литературы, бесстрастным наблюдателем, я, может быть, оценил бы Белинского; но пока я страстно ищю в книгах жизни, жизни настоящей (в обоих смыслах), а не прошлой, я не могу простить Белинского; я кричу: „Позор Белинскому!“ <...> Пусть Белинский был велик и прозорлив во многом; но, совершив великий грех перед Гоголем, он, может быть больше чем кто-нибудь, дал толчок к тому, чтобы русская интеллигенция покатила вниз по лестнице своих российских западнических надрывов, больно колотясь головой о каждую ступеньку; а всего большее — о последнюю ступеньку, о русскую революцию 1917–1918 годов».³⁷

Конечно, схождение в отрицании Белинского вовсе не свидетельствует о единомыслии. Если для Блока революция — «русский западнический надрыв», то для Айхенвальда — скорее проявление азиатчины. Высоко ценя Блока-лирика, Айхенвальд скептически оценивал Блока-мыслителя: «Его рассуждения не убедительны; зато песни его неотразимы»;³⁸ «Неизмеримо слабее, чем его стихи, вся его проза вообще. Она часто наивна и беспомощна, в ней он не мыслитель, с нею нельзя серьезно считаться, и не политике, и не идеям, а поэзии можно и надо учиться у нашего лирика».³⁹ С такой позиции он и оценивает статью Блока «Судьба Аполлона Григорьева». Айхенвальда больше всего удивляет в ней то, что «наш талантливый лирик не столько биографию рассказывает, сколько полемизирует с мертвыми и живыми, с современниками и потомками своего героя».⁴⁰

О субъективизме блоковской статьи писали — положительно или отрицательно — почти все рецензенты.⁴¹ В сопоставлении с рецензией З. Н. Гиппиус, для «объективности» прочитавшей 26 апреля 1916 года Блоку вслух свою «очень ругательную»⁴² статью до ее публикации в сборнике «Огни», айхенвальдовская критика выглядела почти невинно. Он отмечал меткость сравнений Григорьева с Дмитрием Карамазовым и его стиля — с «дымом и чадом», из которых «лишь на минуту вырывается пламенный язык».⁴³ Но, признаваясь в интересе «слова поэта о не-поэте, слова компетентного», он не принимал блоковский «тон <...> иронический и презрительный по отношению к противникам Григорьева».⁴⁴ Когда Айхенвальд признавался, что для него неприятна и «неожиданна вообще та снисходительно поучающая указка, которую Блок счел нужным взять в свою изящную „рассеянную“ руку, предназначенную не для нее, а для „лиры вдохновенной“»,⁴⁵ то дело тут не в «глумливом» отношении к Блоку⁴⁶ — таковым отношение критика к поэту никогда не было, даже когда он строго судил Блока-публициста за «сухость сердца» в статье «Псевдо-революция»,⁴⁷

³⁶ См.: Айхенвальд Ю. И. Спор о Белинском. Ответ критикам. М., 1914.

³⁷ Блок А. А. Что надо запомнить об Аполлоне Григорьеве // Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 27–28.

³⁸ Айхенвальд Ю. И. Поэзия А. Блока. С. 60.

³⁹ Там же. С. 56.

⁴⁰ Айхенвальд Ю. И. Стихотворения Аполлона Григорьева. С. 3.

⁴¹ Перечень рецензий см.: Блок в критике современников (Аннотированная библиографическая хроника. 1902–1921) / Сост. В. И. Якубович, при участии Н. Г. Захаренко, В. В. Серебряковой и Л. С. Шепелевой // Лит. наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 5. 1993. С. 633–826.

⁴² Блок А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 297.

⁴³ Айхенвальд Ю. И. Стихотворения Аполлона Григорьева. С. 3.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Блок А. А. Собр. соч. Т. 5. С. 766.

⁴⁷ Айхенвальд Ю. И. Псевдо-революция // Накануне. 1918. № 4. С. 2–3.

слишком Айхенвальд ценил блоковскую «первозданную лиричность».⁴⁸ В ориентации Блока на современность и в его спорах с современниками Айхенвальду скорее виделась измена эстетическим заветам, сформулированным в пушкинском стихотворении «Чернь» («Поэт и толпа»), — стихотворении знакомом для символистов, притягательном для Блока не менее, чем для Вяч. Иванова.⁴⁹

Закономерно, что в итоговом варианте очерка о Григорьеве в сборнике «Слова о словах» пассаж о Блоке исключен полностью и ничто не напоминает о текущей литературной жизни 1915–1916 годов, породившей сам текст. Айхенвальд делает это не потому, что меняется его отношение к блоковской статье, а потому что принципиально хочет устранить всё «сиюминутное». При всей любви к журналистике и открытым полемикам, он полагал, что «слово» рассчитано не на «мимолетное», а на «вечное», что со слова нужно «стереть случайные черты» — все «газетное», «полемиическое», даже если это критическое «слово» о чужих «словах». Пожалуй, он вполне мог бы взять своим девизом именно блоковские строки: «Твой взгляд — да будет тверд и ясен. / Сотри случайные черты — / И ты увидишь: мир прекрасен. / Познай, где свет, — поймешь, где тьма. / Пускай же всё пройдет неспешно, / Что в мире свято, что в нем грешно, / Сквозь жар души, сквозь хлад ума»,⁵⁰ — но они в 1916 году еще не были опубликованы.

В таком подходе к тексту Айхенвальд, в свой черед, диаметрально противоположен другому знаменитому современнику — В. В. Розанову. Недаром у Айхенвальда вызывает такое раздражение блоковское упоминание о «замечательных книгах» Розанова — «Уединенное» и «Опавшие листья»,⁵¹ сопоставление «Опавших листьев» с письмами Григорьева и полемиическая заостренность блоковского пассажа в защиту Григорьева и Розанова: «Вот уже пятьдесят лет, как Григорьев не сотрудничает ни в каких журналах, ни в „прогрессивных“, ни в „ретроградных“, — по той простой причине, что он умер. Розанов не умер, и ему не могут простить того, что он сотрудничает в каком-то „Новом времени“. Надо, чтобы человек умер, чтобы прошло после этого пятьдесят лет. Тогда только „Опавшие листья“ увидят свет божий. Так всегда. А пока — читайте хоть эти листья, полвека тому назад опавшие, пусть хоть в них прочтете о том же, о чем вам и сейчас говорят живые. Живых не слышите, может быть хоть мертвого послушаете».⁵² Айхенвальду, незадолго до этого, 22 августа 1915 года, оценившему «короб второй и последний» «Опавших листьев» крайне негативно, о чем свидетельствует уже само название его рецензии — «Неопрятность»,⁵³ кажутся «едва ли уместны все эти насмешки над писателями и читателями другого склада, чем Аполлон Григорьев, и уж наверное ненужны и неприятны хвалебные строки, посвященные В. В. Розанову, апология „Опавшим листьям“ и поверхностное сравнение с ними идей Григорьева».⁵⁴

Реплика Айхенвальда не прошла бесследно. В письме от 28 января 1916 года к А. А. Измайлову, хотя и не называя имени Айхенвальда, Блок в свою очередь заговорил о необходимости вглядываться в объект изучения, а не заниматься полемикой: «Кстати — о Григорьеве: хоть бы кому пришло в голову написать по поводу отредактированной мной книги именно о нем, а не о Розанове и не обо мне, который должен бы быть здесь последней спицей в колеснице. Ведь в Григорьеве действительно заложены искры громадной культуры, которые так и догорают до сей поры под пеплом полемики и равнодушия».⁵⁵

Однако без полемики не обходилось: за Айхенвальда взялся Розанов, у которого были к нему свои претензии, с рецензией на блоковское издание Григорьева никак

⁴⁸ Айхенвальд Ю. И. Поэзия А. Блока. С. 47.

⁴⁹ Ср. статью Вяч. Иванова «Поэт и чернь» (1904) и название первой главки «Поэт и чернь» в статье Блока «Творчество Вячеслава Иванова» (1905).

⁵⁰ Блок А. А. Собр. соч. Т. 3. С. 301.

⁵¹ Блок А. А. Судьба Аполлона Григорьева // Там же. Т. 5. С. 509.

⁵² Там же. С. 510–511.

⁵³ Айхенвальд Ю. И. Неопрятность // Утро России. 1915. 22 авг. № 231. С. 6.

⁵⁴ Айхенвальд Ю. И. Стихотворения Аполлона Григорьева. С. 3.

⁵⁵ Блок А. А. Собр. соч. Т. 8. С. 456.

не связанные: «Получил оплеуху. Отлично. Но ведь это, господа, ответ на ту оплеуху, которую от меня получили вы (Айхенвальд, Титов [в «Рус. Вед.»] <...>».⁵⁶ Но сводя в «Мимолетном. 1915 год» с Айхенвальдом «счеты», Розанов противопоставлял Айхенвальда не только себе, но и Григорьеву, записывая 11 июня 1915 года:

«<...> Он (Айхенвальд. — Е. Т. Г.) влюблен в самого себя и особенно в свой слог. Ну, и мысли ничего. Автор и творения, и творения влюблены в автора, а автор влюблен в творения. Хорошо? Не хорошо? Черт его знает. Не интересно. Нет менее интересного писателя, чем Айхенвальд. Говорит ли он правду? Говорит ли он неправду? Решительно все равно. Он вообще

НЕ НУЖНО.

За ним не стоит этого мужицкого, грубого

НУЖНО,

на чем, в сущности, и держится весь мир.

(*ох, устал; за Сакулин — об «Аполл. Григорьеве». Вест. Евр.»*).⁵⁷

В этой записи все неслучайно, в том числе фиксация момента размышлений об Айхенвальде по ходу чтения статьи профессора П. Н. Сакулина в «Вестнике Европы». Благодаря этому создается целая цепочка оппозиций, первая из которых и самая очевидная: «интересный (нужный для жизни) писатель Аполлон Григорьев» vs «неинтересный (не нужный для жизни) писатель Айхенвальд».

Вторая оппозиция: «правды» и «лжи» — также косвенно связана с текстом Сакулина, затронувшего вопрос о понимании «правды» Григорьевым и процитировавшего его слова об идеале как «вечной правде, неизменном критерииуме различия добра и зла», которым судятся «века, эпохи, народы», чтобы определить «меру приближения» к «вечной правде души человеческой».⁵⁸ Связана она и с давним отзывом Айхенвальда на розановские сборники статей 1899–1900 годов. Отдавая дань таланту, явно симпатизируя интересу к человеческой индивидуальности и к метафизическим проблемам, Айхенвальд уже тогда усомнился в наличии «этической ясности» и «нравственного здоровья» у автора и с горечью заключал, что розановские тексты, «иногда блестящие, иногда интересные, часто истерические, <...> не горят и не теплятся ровным и тихим светом правды».⁵⁹

По Розанову, Айхенвальд — автор, чья правда или неправда в равной степени не нужна миру, но чьи утверждения преимущественно лживы, «сколько бы мошенник ни хватался за хитон Иисуса».⁶⁰ И вот этот «русский критик»⁶¹ требует от Розанова духовной «опрятности», «правды», тогда как Розанов вообще не понимает, почему все, в том числе Айхенвальд, обвиняют его во лжи, ведь у него, Розанова, «феноменальной лжи вовсе нет», «может быть, есть ноуменальная», по «НЕВЕДЕНИЮ», т. е. он органически правдив: «Я совершенно никогда (ни разу) не лгал, не только пером, но и устной речью, против *того момента*, когда говорил (писал). Я был *бессилен написать неправду* (нужно придумывать, лень)».⁶² Отсюда следует: «И я вечно лгу и прав, а вы говорите все правду — и вечно лжете (*после статьи Айхенвальда*)».⁶³

Третья оппозиция — «благородные консерваторы» vs «преступные прогрессисты» — объясняет небольшое, но явно сознательное искажение в розановской записи: статья Сакулина в «Вестнике Европы» называлась отнюдь не «Аполлон Григорьев»,

⁵⁶ Розанов В. В. Мимолетное. 1915 год: [Издание полного текста] / Сост., вступ. статья и комм. А. В. Ломоносова. М., 2011. С. 324.

⁵⁷ Там же. С. 203.

⁵⁸ Сакулин П. Н. Историко-литературные беседы. «„Органическое“ мировосприятие» // Вестник Европы. 1915. № 6. С. 104.

⁵⁹ Айхенвальд Ю. И. [Рец.:] Розанов В. В. Сумерки просвещения <...> Литературные очерки <...> Религия и культура <...> Природа и история <...> Издания П. Перцова // Вопросы философии и психологии. 1900. № 52. С. 186.

⁶⁰ См.: Розанов В. В. Мимолетное. 1915 год. С. 246.

⁶¹ Там же. С. 214.

⁶² Там же. С. 319.

⁶³ Там же.

но «„Органическое“ мировосприятие»,⁶⁴ так как ставила более широкую задачу, нежели биография или характеристика критика. По сути, Сакулин пытался обосновать то, что «идеи Ап. Григорьева далеко не были гласом вопиющего в пустыне»,⁶⁵ что «органическое» мировосприятие, сопряженное с именем Григорьева и им так названное, было достоянием эпохи, ее центральной темой, нашедшей выражение у совершенно разных мыслителей, невзирая на их принадлежность к различным направлениям. Исходя из тезиса, что «органическое» мировосприятие есть «„простой, не-теоретический“ взгляд на жизнь»,⁶⁶ в соответствии с которым «высшая мудрость» заключается «в умении органически воспринимать самобытную красоту живой жизни», «учиться у жизни в ее органических явлениях»,⁶⁷ Сакулин в число сторонников «органического» мировосприятия зачислял В. Ф. Одоевского и А. И. Герцена, Ф. М. Достоевского и Льва Толстого, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева и даже нигилистов.⁶⁸ Если в одном ряду искателей «живой жизни» парадоксальным образом могли оказаться Достоевский и нигилисты, то неудивительно, что, констатируя противоположность григорьевского «трансцендентализма» устремлению Белинского к позитивизму, Сакулин все-таки утверждал, что «неистовый Аполлон» был «столь родственным по духу „неистовому Виссариону“»,⁶⁹ что «Ап. Григорьев был, можно сказать, необходимым дополнением Белинского».⁷⁰

Розанову такая «родословная» Григорьева, безусловно, внутренне чужда, как был чужд его «Новому времени» напечатанный Сакулина либеральный «Вестник Европы»: «Радикалы наши подавляли все благородное за 50 лет. <...> нет „Истории русской литературы“, а есть „История нашего преступления“. П<о>тому ч<то> ведь эти мошенники очень хорошо знали, есть ли разница между кн. Одоевским и Благодетельным, между Зайцевым и Страховым, Данилевским и К. Леонтьевым. <...> В темном обществе, как в темном погребке, они пытались лучших людей, при свете своих „воровских фонариков“, т. е. „Отечественных записок“, „Дела“, „Русского богатства“, „Вестника Европы“, с украшением из профессоров (для смаку и правдоподобия). <...> В „Рус<ской> Мысли“: „вот еще открыли этот год 50 лет забытого Ап. Григорьева, как этот же год открыли ГЕНИАЛЬНОГО К. Леонтьева“. Спокойно, просто, научно (библиография). Но ведь это — выть, выть, выть. Разве это библиография „откапывания покойников“».⁷¹ Так что профессор Сакулин, открывающий в «Вестнике Европы» Ап. Григорьева, для Розанова в данном случае такая же *persona non grata*, как и Айхенвальд. Вместе с тем возникает четвертая оппозиция: «холодного эстетизма» vs «живой муки». То, что для этих «профессоров» не более чем «наука», «библиография», для нас — «кровь» и «боль». Для Розанова радикалы — «это лгуны на все руки и на все стороны»,⁷² и Григорьев, как один из тех, кто «заступили грудью Россию»,⁷³ у него вписывается в совсем другую «родословную»: «Вполне очерчивает взаимоотношения Страхова, Юркевича, Аполлона Григорьева, с одной стороны, и — Чернышевского, Добролюбова, Щедрина, Михайловского — с другой»,⁷⁴ тем более что Чернышевский и Писарев «есть перерыв русской литературы на два-три десятка лет».⁷⁵

Однако примечательно, что в розановской «родословной» радикализма не упоминается Белинский. И это неслучайно. В написанном около 4 октября 1915 года письме к Семену Венгеру Розанов, напротив, берется защищать Белинского от Айхенвальда,

⁶⁴ Сакулин П. Н. Историко-литературные беседы. «„Органическое“ мировосприятие». С. 95–112.

⁶⁵ Там же. С. 112.

⁶⁶ Там же. С. 107.

⁶⁷ Там же. С. 104.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 108–109.

⁷⁰ Там же. С. 107.

⁷¹ Розанов В. В. Мимолетное. 1915 год. С. 295.

⁷² Там же. С. 244.

⁷³ Там же. С. 242.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. С. 243.

утверждая, что, как бы ни был «зелен» Белинский, «тем не менее КРИТИКУ к<a>к отдел литературы придется ВЕЧНО начинать с Белинского». ⁷⁶ При этом Розанов выстраивает новую оппозицию: «живого», «аляповатого» vs «мертвого», хотя и «изящного»: ⁷⁷ «...эта аляповатость растет и живая: а „изящество“ Айхенвальда так и останется им, ни во что не преобразуется, что оно исторически недвижно и исторически мертво». ⁷⁸ Отрицая у Айхенвальда именно «органичность», «жизненность», Розанов подчеркивает, что айхенвальдовское «изящество» не только «исторически мертво», оно — «отвратительное и СТРАШНОЕ явление». ⁷⁹

По Розанову, «литература — помощница жизни», она не может быть равнодушной, когда вокруг страдания. Розанову страшно потому, что «нет больше русской литературы, а только везде Айхенвальд». ⁸⁰ «Красота» Айхенвальда преступна именно потому, что она не спасает мир: «Миру больно. Рак. Нефрит. В мире *нужда*. Муки нет. Мука дорога. Айхенвальд „все хорошо пишет“. <...> Он есть один из самых красивых русских писателей. <...> Отвратительно, что есть такой писатель. Отвратительно, что человек мог быть Айхенвальдом». ⁸¹ «„Веленевый Айхенвальд“. <...> Люди убивают, грабят, распутничают: а он все на веленевой бумаге...». ⁸² Итак, с одной стороны губитель русской литературы из числа передовых интеллигентов «русский критик» Айхенвальд, холодный и лживый эстет, равнодушный к реальной боли мира, а с другой — Розанов, один из тех горячих защитников России, каким были Ап. Григорьев, Н. Страхов и К. Леонтьев, пусть аляповато, но правдиво вскрывающий живое и страждущее — и в мире, и в своей собственной душе, органически чуждой всякого сочинительства «на веленевой бумаге».

По иронии судьбы в том же году антагонисты оказались сопряжены между собой вниманием к Григорьеву не только как реальные участники литературного процесса, но и как литературные персонажи книги одного из «воскресителей» Григорьева — Н. Н. Русова. Опубликовавший в 1907 году статью «Поэзия Блока», высоко оцененную самим поэтом, в 1910-м — трактат «О нищем, безумном и боговдохновенном искусстве», посвященный Розанову, в 1912-м — полемическую статью «Ю. И. Айхенвальд против театра», а в 1922 году — «Розанов и Достоевский» и «Критика это — я (Силуэт Ю. Айхенвальда)» в «Литературном приложении» к «Накануне» (№ 9 и № 19), ⁸³ он на рубеже 1915/1916 годов выпустил книгу «Золотое счастье», где возникли «явно сделанные с натуры портретные зарисовки известных представителей литературно-художественного мира: Розанов и Ю. И. Айхенвальд», — ведь оба критика были причастны творческой биографии Русова и потому, что в 1913 году оба отожделись на его художественную прозу рецензиями. ⁸⁴

Действительно, можно сказать, что Григорьев оказался в прямом смысле слова «воскресающим писателем»: его имя было вовлечено в водоворот литературных полемик Серебряного века, причем снова встроено в исключительно бинарную картину, где, как и в середине XIX столетия, «эстетики» противостояли «реалистам», пусть в эпоху Серебряного века враждующие стороны обновили свои именованья и программы. В сущности, происходило то, что Сакулин описывал в статье о Григорьеве: все участники спора вокруг фигуры Григорьева искали своего «органического» мировосприятия в противовес «теории»: Русов — в «боговдохновенном искусстве», а затем

⁷⁶ Переписка В. В. Розанова и С. А. Венгерова (1898–1918) / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. П. Дмитриева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб., 2020. С. 312.

⁷⁷ Также об отношениях Айхенвальда и Розанова см.: Тахо-Годи Е. А. «Естественный символизм» Юлия Айхенвальда (к вопросу об эстетическом методе). С. 188–203.

⁷⁸ Переписка В. В. Розанова и С. А. Венгерова. С. 312.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Розанов В. В. Мимолетное. 1915 год. С. 359.

⁸¹ Там же. С. 320.

⁸² Там же. С. 35.

⁸³ Русов Н. Н. Критика это — я (Силуэт Ю. Айхенвальда) // Накануне. Литературное приложение (Берлин). 1922. 24 сент. № 19. С. 6.

⁸⁴ Богомолов Н. А. Русов Н. Н. С. 395.

в анархизме, Розанов — божественного в «мимолетном» быту, в человеческой боли, а не в «библиографии», живую народную душу в «консерваторах», а не в духовно мертвых «радикалах»; Блок — мечтал через книгу познать живую жизнь, тайну судьбы человека, ее написавшего, а вместе с тем и собственную и всей Родины; Айхенвальд — уловить то индивидуально-неповторимое творческое «я», благодаря которому рождается индивидуальный стиль, оживают слова и пишущий становится художником, достойным именоваться «творцом». Именно эти поиски «живого», «естества», максимально «органического» при всей разности мировидения, эстетических и идеологических установок делали для каждого из них одинаково привлекательной фигуру Григорьева. И у каждого из них был «свой» Григорьев. Несомненно, был «свой» Григорьев и у Айхенвальда, этот образ он, как скульптор, высек из «материала» его статей, очистив от «его многочисленных слов».

Сетуя, что Григорьев меньше интересуется «индивидуальностью самого писателя», чем «вырастившей его почвой, „грунтом“, бытом» (с. 62), что «Пушкин, Тургенев, Островский дороги для него не сами по себе, а как носители русского начала», Айхенвальд доказывал, что «не человечество, а человек ограничен критерием органической критики», ее неготовностью приспособиться «к своеволию живой индивидуальности», «писательского Я, не зависящего от влияний и веяний народного духа» (с. 62). Он подчеркивал, что «у Григорьева национализм имеет возвышенный, идеалистический, романтический характер и не изменяет ценностям общечеловеческого достоинства» (с. 62), что «чувство Москвы», которую «так любовно изобразил он <...> в своей автобиографии», не сделало его «провинциалом духа, не завело его в теснины узкого национализма, потому что всякую узость преодолевал он широтою своей натуры, беззаветностью и благородством своих увлечений» (с. 65). Айхенвальду импонировало в Григорьеве то, что, «не будучи западником, он не примкнул и к славянофильству» (с. 64), что, охарактеризовав Карамзина «как русского европейца», доблестно отвоевал «его из стана славянофилов» (с. 63) и при этом встал на защиту Полевого как автора «Истории русского народа», что «святая любовь к почве, к преданиям, к родному быту» сочеталась у него «с большою духовной свободой, с либерализмом светлой нравственной организации» (с. 64), что он не покушался «на свободу писателя» (с. 62), что, настаивая «на значении в русской литературе смиренного типа, пушкинского Белкина», он «не хотел одного смирения» и «смирному искал восполнения в хищном, в Печорине, и так ценил „фосфорический блеск“ байронизма» (с. 65).

Но особенно важно для критика Серебряного века то, что Григорьев умел «понять наиболее характерные черты» (с. 62) каждого автора — будь это Пушкин, Гоголь, Тургенев, Некрасов или Островский, что мог «становиться с поэтом лицом к лицу», т. е. (переводя на язык самого Айхенвальда) решался подходить к творчеству писателя имманентно, и такой имманентный подход позволял ему высказывать верные суждения о «женской впечатлительности» Тургенева, о том, что «многие диссонирующие звуки Некрасова надо выводить из гармонического Пушкина» (с. 63), что страдание Гоголя было обусловлено противоречием между свойствами его таланта, «пригвожденного к пошлости», и духовной жаждой «отыскать прекрасного человека» (с. 63).

Григорьев симпатичен Айхенвальду как «писатель надежный», всю жизнь защищавший «свой символ веры», как писатель, имевший, в отличие от нелюбимого им Розанова, «в себе центр, сосредоточенный внутренний свет, устойчивую любовь» — все то «умное и сердечное, что свойственно ему по преимуществу» (с. 64). Айхенвальд называл Григорьева «критиком дополняющим», который переоценивает автора и его значение только потому, что идет «ему навстречу своей личной настроенностью, своими идеалами и симпатиями» (с. 65). И это стремление «дополнить» автора, возвысить его до своего идеала не смущает Айхенвальда, так как григорьевская вера в идеальную цель искусства, возвышающего обыденное, близка ему самому. Вот почему он с одобрением констатировал, что «искусство было для него (Григорьева. — Е. Т.-Г.) народной святыней, сущей правдой, мировой силой, которая вверена художникам и критикам» (с. 64). Григорьев привлекал его «своею искренностью и глубиною веры, и святой простотою» (с. 64).

Этой григорьевской «искренности» и «святой простоты» у Розанова критик не находил, видя в «Опавших листьях» только ложь, циничное «раздевание своей души», «разврат мысли и слова»,⁸⁵ а в выпадах Блока в адрес розановских оппонентов, вероятно, те «желчные пятна», тот «не претворенный в истинное искусство» «незаконный гнев», за который Григорьев укорял Некрасова, видя в поэте «великую, но попорченную силу» (с. 62).

⁸⁵ Айхенвальд Ю. И. Неопрятность. С. 6.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-174-185

© П. Н. Гордеев

ОТ «БОРЬБЫ С ЦАРИЗМОМ» — К «ЦАРЮ МАКСИМИЛИАНУ»: ЖИЗНЕННЫЕ ПЕРИПЕТИИ В. В. БАКРЫЛОВА

Создатель свода «Комедии о царе Максимилиане и непокорном сыне его Адольфе» Владимир Васильевич Бакрылов родился 9 января (ст. ст.) 1893 года в Вологде и спустя два дня был крещен во Власьевской церкви. Рано лишившись отца (мещанин Василий Иванович Бакрылов скончался от рака 18 августа 1893 года¹), он, благодаря матери Евгении Федоровне, занимавшейся торговлей кружевами (а впоследствии помогавшей ему в революционной деятельности), смог получить образование и поступить в Вологодскую мужскую гимназию, где доучился до пятого класса.² К этому времени (возможно, под влиянием брата, студента Санкт-Петербургского университета Василия Бакрылова) Владимир увлекся «освободительным движением». 18 июля 1908 года вологодские жандармы провели обыск у братьев Бакрыловых, в ходе которого у них обнаружилась «разная революционная литература в значительном количестве, из коей 19 экз. брошюры „Наша программа“ и по несколько экземпляров других изданий»; по итогам обыска было возбуждено дознание.³ Последовал непродолжительный арест и исключение из гимназии; вернуться к учебе Бакрылов смог только в 1909 году в частном реальном училище А. С. Черныяева в Петербурге.⁴ Впрочем, и там юноша не доучился — по воспоминаниям его тогдашнего знакомого и товарища по

¹ Государственный архив Вологодской области. Ф. 496. Оп. 23. № 7. Л. 121 об. — 122, 145 об. — 146.

² И. Р. [Иванов-Разумник Р. В.]. Владимир Васильевич Бакрылов // Каторга и ссылка. 1926. № 7–8. С. 306. Очерк Р. В. Иванова-Разумника о В. В. Бакрылове в той части, которая касается дореволюционного периода его жизни, в значительной степени написан на основе рукописной справки, сохранившейся в архиве Иванова-Разумника. На обложке документа (данной сотрудниками Рукописного отдела Пушкинского Дома) в качестве автора значится «Бакрылова», а сама единица хранения озаглавлена: «[„Владимир Васильевич Бакрылов родился...“] биографические сведения о сыне В. В. Бакрылове для „Словаря революционных деятелей“». Н. И. Гаген-Торн, работавшая с этим делом в ноябре 1974 года, оставила в нем записку, в которой отметила: «Мне непонятна надпись на обложке „о сыне В. В. Бакрылова“, о сыне нет ни слова и даже неизвестно, был ли сын-то» (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 6. Обложка и вкладка). Между тем, очевидно, речь идет не о сыне Бакрылова. Рукопись, более половины которой посвящено описанию детства и юности Владимира Васильевича (с подробностями, вряд ли известными посторонним людям: так, упоминается, что в 1908 году в его комнате жандармами была найдена «в печке» пачка эсеровских прокламаций — Там же. Л. 1), надо полагать, была создана его матерью, Е. Ф. Бакрыловой (упоминания о ней в тексте даны в третьем лице) по просьбе Иванова-Разумника, готовившего очерк о ее сыне.

³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 205. № 4464. Л. 1–2.

⁴ Розанов Ю. В. Фольклорист и театральный деятель Владимир Бакрылов: страницы биографии // Вестник Вологодского гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные, общественные, педагогические науки». 2018. № 3. С. 32.